

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Михаил Демьяненко

**«В погоне за мирной
славой»: статусно-
ориентированное
поведение и реформы
Екатерины II**

Препринт М-88/21

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2021

УДК 94(47).06
ББК 63.3(2Рос)
Д32

Д32 Демьяненко М. А.

«В погоне за мирной славой»: статусно-ориентированное поведение и реформы Екатерины II / Михаил Демьяненко : Препринт М-88/21. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. — 42 с. — (Серия препринтов; М-88/21; Центр исследований модернизации).

Реформы Екатерины II по ряду параметров были уникальным явлением в истории России. В противовес устоявшемуся подходу рассматривать их как составную часть некоего общего безличного процесса становления современных административных структур предложен анализ, более ориентированный на отдельного агента. Автор предлагает рассматривать екатерининские реформы как осознанную стратегию накопления монархом специфической формы символического капитала — славы. Данная стратегия являлась альтернативой другой, более привычной форме символического накопления в рассматриваемую эпоху — войне.

Информация об авторе: Демьяненко Михаил Алексеевич — аспирант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге (mdemyanenko@eu.spb.ru).

Изображать власть как некую безликую универсальную силу, устанавливающую абстрактные, инвариантные отношения, называемые «господством», — значит закрывать возможность восприятия как фактуры, так и охвата политики. В результате нам почти нечего сказать, кроме того, что большая рыба пожирает мелкую, слабые терпят неудачу, власть развращает, нет покоя голове в венце и хозяин и работник нуждаются друг в друге — туманные теоретические банальности.

Клиффорд Гири

Слава тем наипаче нужна государям, что тот, о котором доброе мнение носится, делает больше одним своим именем, нежели не имеющие почтения своими войсками.

Из «Политического завещания» кардинала де Ришелье

Честолюбие ее было беспредельно, но она умела направлять его к благоразумным целям.

*Луи-Филипп де Сегюр, французский посол
в Санкт-Петербурге о Екатерине II*

К постановке проблемы

Реформаторская деятельность императрицы Екатерины II представляет собой во многом уникальный для истории России опыт. Развернувшиеся почти на всем протяжении ее длинного тридцатичетырехлетнего царствования (с двумя перерывами на Русско-турецкие войны 1768–1774 и 1787–1791 гг.), реформы Екатерины II представляют собой редкий для российской истории пример последовательного и неуклонного воплощения довольно цельной политической программы. «Екатерина была, по всей видимости, самым удачливым, самым успешным реформатором во всей истории российского реформаторства, ибо ей удалось почти полностью реализовать задуманное, реализовать ровно настолько, насколько это вообще было возможно в конкретных исторических условиях ее времени без риска нарушения политической стабильности» [Каменский 2019: 537]. Однако именно грандиозный размах реформ, их внутренняя цельность и необычно сильный акцент на местном управлении и социальной политике порождают известную проблему теоретического характера. Екатерининские реформы абсолютно не вписываются в уже при-

вычную манеру рассматривать российские реформы XVIII–XX веков как череду догоняющих авторитарных модернизаций, как правило, вызванных уже проигранными войнами или непосредственной угрозой проиграть войну в ближайшем будущем. Именно в таких рамках довольно часто описываются реформы Петра Великого, Александра II и «сталинская модернизация» [Нефедов 2010; Шашкова, Роголина, Маслов 2016].

Эта устоявшаяся традиция акцентирует внимание на конфликтной природе межгосударственных отношений в Европе. Перманентная угроза военных действий указывается в качестве главного фактора, который заставлял политические организации наращивать вооруженные силы и выстраивать экономические, политические и культурные механизмы, способные подпитывать гонку вооружений. Ранее я уже обозначил свое критическое отношение к подобным построениям в духе военно-налоговой модели, поэтому не буду здесь повторно на этом останавливаться [Демьяненко 2021: 11–19]. Однако необходимо особо подчеркнуть, что именно в эмпирическом отношении, екатерининские реформы, как представляется, довольно слабо укладываются в эти теоретические рамки.

Так, очевидно, не наблюдается явного внешнего шока, подобного разгрому под Нарвой (1700 г.) или откровенно неудовлетворительного для России исхода Крымской войны (1853–1856 гг.), которые довольно часто рассматриваются как «триггеры» реформ Петра I и Александра II соответственно. К моменту восшествия Екатерины на престол в 1762 году, российские вооруженные силы продемонстрировали свои высокие боевые качества в ходе Семилетней войны и позднее успешно показали себя и в двух Русско-турецких (1768–1774 и 1787–1791 гг.) и Русско-шведской войне (1788–1790 гг.). Реформирование армии и флота отнюдь не было приоритетом для екатерининского правительства на всем протяжении ее царствования. Хотя опыт экстремальных логистических нагрузок Семилетней войны, несомненно, был принят во внимание, что и вылилось в создание Генерального штаба в 1763 году, а опыт Русско-турецких войн был учтен в мероприятиях Г. А. Потемкина на новой южной границе России.

В ходе Семилетней войны Российская империя, разумеется, испытывала известное давление в финансовом отношении. Сама Екатерина II в одной из своих записок указывает, что, взойдя на престол, она обнаружила, что расквартированным в Восточной Пруссии войскам не платили жалованье уже восемь месяцев [Записка... 2010: 71]. Однако положение было довольно быстро исправлено. Н. Д. Чечулин оценивал расходную

часть «бюджета»¹ России в 1763–1767 годах в 93 500 000 рублей, в то время как доходы составили 103 500 000 рублей при дополнительных затратах на обслуживание внутреннего долга в 1 800 000 рублей [Чечулин 1906: 271]. Таким образом, в первое пятилетие царствования Екатерины «бюджет» был профицитным и вполне способным обеспечивать как функционирование армии и государственного аппарата, так и покрытие внутреннего долга. К началу новой войны даже удалось создать резервный фонд в размере 8,5 млн рублей [Дмитриева, Козлов 2020: 279]. На успешное восстановление экономики империи косвенно указывает и тот факт, что екатерининскому правительству впервые в российской истории удается получить иностранные займы в 1769–1770 годах, которые будут использованы для финансирования Русско-турецкой войны (1768–1774 гг.) [Там же: 281]. О доверии иностранных кредиторов к финансовому положению России свидетельствует и тот факт, что в 1779 году была проведена успешная конверсия внешнего займа с пятипроцентного на четырехпроцентный [Там же: 286].

В качестве своеобразного шока можно попытаться представить восстание Пугачева (1773–1775 гг.), подобно тому как это делала советская историография, видевшая в «пугачевщине» главную причину губернской реформы (1775 г.). Однако современные исследователи скорее склонны отвергать данную точку зрения: «...все, что известно о разработке “Учреждений [для управления губерниями]”, убеждает в том, что реформа готовилась задолго до восстания и рассматривать ее следует комплексно, в контексте реформаторской деятельности Екатерины в целом» [Каменский 2016: 243]. Таким образом, как представляется, фактор внешней или внутренней угрозы не может послужить исчерпывающим объяснением ни мотивации императрицы развернуть активную реформаторскую деятельность, ни тем более мотивации ее долговременно поддерживать.

Другой возможный теоретический подход делает исключительный акцент на отдельном социальном агенте, видя процессы институционального строительства как результат деятельности отдельных индивидов (или небольших семейных групп, кланов, клик), реализующих посредством этого свои собственные частные интересы. К сожалению, анализ реформ екатерининского периода в подобном духе, насколько мне известно, не проводился. Поэтому я рассмотрю данный подход

¹ Применительно к екатерининскому царствованию данный термин не может быть употреблен в современном смысле, поэтому я ставлю его в кавычки.

более подробно на примере недавней монографии И. И. Федюкина, посвященной реформам образования в России первой половины XVIII века и являющейся выдающимся образцом подобного рода анализа применительно именно к российской истории [Федюкин 2020].

Федюкин утверждает, что «новые институты не возникали “сами по себе” и не вызывались к жизни ни некой безличной волной “европеизации”, ни потребностями войны и технологического прогресса. Наоборот, возникновение новых институтов и укоренение новых организационных форм следует рассматривать в первую очередь как результат усилий, предпринимавшихся вполне конкретными индивидами и группами для реализации их личных проектов и достижения их собственных целей — карьерных, материальных, идейных, а чаще всего их сочетания... <...> Мы должны объяснить, почему институты, которые мы — в ретроспективе — воспринимаем как современные, “рациональные” и “регулярные”, были выгодны этим игрокам настолько, что они готовы были прилагать значительные усилия для их создания» [Там же: 13, 23]. Синтезируя современную литературу по «административному предпринимательству», опираясь на теоретическое наследие Йозефа Шумпетера и Пола Ди Маджио и анализируя колоссальный массив исторических источников, Федюкин приходит к выводу о том, что история образования в России первой половины XVIII века может быть описана «не как история государственных усилий по просвещению России, но как история индивидуальных проектов, инициируемых предпринимателями всех мастей, стремящихся к достижению собственных целей и к реализации собственных амбиций» [Там же: 351].

Однако, хотя подобный подход успешно позволяет избежать ряда абстрактных детерминистских построений, характерных для все той же военно-налоговой модели, он имеет один значимый недостаток. Соглашаясь с тем, что шумпетерианский механизм объяснения появления инноваций через предпринимательскую инициативу выглядит убедительно, тем не менее представляется, что его нельзя распространять на административную сферу без некоторых серьезных оговорок. Все-таки «административное предпринимательство» — это метафора. Если в экономической сфере рынок выступает в качестве центрального механизма, который обеспечивает через процессы ценообразования как стимулы для предпринимательской инициативы, так и отмирание отживших экономических форм, то что играет эту роль в политико-административной сфере? Если в демократических политических системах с конкурентными выборами сама политика во многом уподобляется рынку и функцио-

нирует похожим на него образом, то для автократий подобное описание, как представляется, не подходит. В особенности это справедливо в случае европейских монархий эпохи раннего Нового времени.

Можно попытаться приписать самому монарху роль распределительного механизма. Именно таким образом это выглядит в изложении Федюкина: монарх по некоторым собственным основаниям отбирает, принимает, отвергает или модифицирует разнообразные «проекты», произведенные «административными предпринимателями» [Там же: 36–37]. Но по каким именно основаниям данный отбор производится — в рамках данной логики объяснения все еще остается в значительной мере неясным. Применительно к исследованному Федюкиным административному сектору Российской империи первой четверти XVIII века — образовательному, — это не является значимой проблемой, поскольку, как мы с удивлением узнаём, Петр Великий не имел каких-то конкретных личных предпочтений в этой области [Там же: 80]. Соответственно, августейшая логика принятия решений скорее тяготела к созданию и поддержанию равновесия между различными придворными группировками, чем руководствовалась каким-то четким и ясно сформированным административно-политическим курсом в сфере образования [Там же: 19–26]. Это справедливо и для его преемниц на российском троне — Екатерины I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. При таком угле зрения поведение российских монархов становится чрезвычайно похожим на идеально-типическую модель, которую Норберт Элиас построил на французском материале эпохи Людовика XIV: «...перед королем встает... специфическая задача господства: он должен постоянно следить за тем, чтобы направленные друг против друга тенденции среди придворных действовали, в его понимании, правильно» [Элиас 2002: 149].

Однако при попытке рассматривать монарха исключительно в качестве «стабилизатора», координирующего и направляющего активность «административных предпринимателей», являющихся драйвером инноваций, мы сталкиваемся с другим комплексом теоретических проблем. Во-первых, в рамках такой модели неясно, что мешает монарху активно блокировать поступающие к нему проекты, сведя их реализацию до некоего минимально допустимого уровня, который не вызовет явного недовольства в придворной среде. Соответственно, проблема того, как внутри административной системы возникают трансформации, казалось бы уже решенная в шумпетерианском духе, снова становится открытой. Во-вторых, что и будет предметом моего внимания, довольно часто мы видим, что и сам монарх выступает в роли «административного пред-

принимателя», самостоятельно создающего новые административные сектора или радикально трансформирующего старые. Это особенно характерно для деятельности Петра I в военной и военно-морской сферах и для деятельности Екатерины II в области создания структур региональной администрации, а также в области социальной политики². Федюкин сам указывает на это, предлагая рассматривать императора и императрицу в качестве своеобразных «верховных прожекторов» [Федюкин 2020: 36, 365]. Однако такое решение создает проблему второго порядка: теперь нам надо объяснить, внутри какого механизма отбора действуют уже сами монархи, какие цели они преследуют, с кем они конкурируют на этом поле и по каким правилам. Таким образом, рассматривая деятельность Екатерины II в качестве коронованного «административного предпринимателя», нам необходимо обнаружить некую конфигурацию стимулов, которая подталкивала бы ее к устойчивому долговременному производству большого числа административных проектов, их многократной доработке и переработке с последующим претворением в жизнь.

Традиционно указывается на личную предрасположенность Екатерины II к бумажной работе. Действительно, императрица оставила после себя огромное письменное наследие, в том числе пьесы и сказки. Полное собрание ее сочинений составляет двенадцать томов, что делает императрицу самым продуктивным «русским» автором XVIII века. Но объяснение реформаторской деятельности императрицы исключительно через ее личные склонности по понятным причинам является не слишком релевантным — проблему следует решать в историко-социологическом ключе. Необходимо понять, какую «прибыль» августейшая особа получила от своей административной инициативы.

Предлагаемое мной решение основано на теоретических разработках Пьера Бурдьё и Норберта Элиаса в области исследования раннеמודерных европейских социальных структур. В своей статье, посвященной построению модели перехода от династического государства к современному («бюрократическому») государству, Бурдьё, ссылаясь на работу американского исследователя Франции эпохи Капетингов Эндрю Льюиса, указывает: «Королевская власть — это *честь*, передаваемая по агнатической наследственной родовой линии (право крови) по праву первородства» [Бурдьё 2007: 258.]. Норберт Элиас мог бы поправить

² Разумеется, екатерининский период тоже знает плеяду блестящих «административных предпринимателей». Например, князя А. А. Вяземского и И. И. Бецкого. Однако огромный личный вклад Екатерины несомненен.

своего младшего коллегу, поскольку применительно к XVII–XVIII векам «слава была для короля тем же, чем для дворянина была его “честь”» [Элиас 2002: 169]. Таким образом, «слава» в этот период представляет собой некий особый вид символического капитала, накопление которого не только является самоцелью, но и служит упрочнению позиций монарха как внутри аристократического сообщества, так и среди «большого общества» его собственной страны, стратифицированного практически исключительно по статусному принципу [Элиас 2002: 70, 76–77, 79; Mousnier 1973: 49–65]. Кроме того, «слава» очень важна на «международной» (что для рассматриваемого периода, в сущности, означает «междинастической») арене. Соответственно, поведение социальных агентов внутри этой системы в первую очередь подчинено логике борьбы за место в иерархии престижа.

Далее я постараюсь продемонстрировать, какую роль играл концепт «славы» в реформаторских устремлениях Екатерины II. Отталкиваясь, таким образом, от более широкого социального контекста ее эпохи, я утверждаю, что статусная мотивация накопления «славы» может рассматриваться в качестве одного из ключевых стимулов для Екатерины II производить именно административные инновации, поскольку традиционный путь приобретения данного типа символического капитала лежал через войну. Однако для Екатерины II, в силу известных особенностей гендерного разделения труда в ее эпоху, он был если не полностью недоступен, то сравнительно малопривлекателен. Кроме того, «слава» как определенная форма символического капитала была чрезвычайно политически функциональна именно в контексте екатерининского царствования, поскольку позволяла увеличить легитимность императрицы путем выстраивания символической преемственности по отношению к «предкам» Екатерины на престоле Романовых — Петру I и Елизавете Петровне. Наконец, накопление «славы» через мирную реформаторскую деятельность позволяло Екатерине II видеть себя (и восприниматься другими) в качестве достойного конкурента других монархов на общеевропейской арене династического соперничества. Таким образом, тема войны становится для меня одной из ключевых, но я рассматриваю ее не как некоторый абстрактный постоянно наличествующий феномен «геополитической конкуренции», а как необходимый элемент воспроизводства правящих элит в рассматриваемую эпоху. Правда, в случае Екатерины фактор войны будет работать «от противного».

Для подтверждения своего тезиса я привлекаю материалы екатерининского законодательства, а также ряд других текстов, вышедших

непосредственно из-под пера императрицы. Помимо этого, я прибегаю к краткому анализу того, как екатерининское «прославление себя через реформаторство» воспринималось ее современниками. Здесь мы обнаружим довольно широкий диапазон оценок, от восторженных до сугубо негативных, но и в том и в другом случае подкрепляющих мой тезис об исключительной важности «славы» как стимула применительно к XVIII веку. Однако сперва кратко рассмотрим более широкий контекст — как понимается «слава» в Европе и в России в рассматриваемый период.

Страсти человеческие и страсти монаршие

В европейской традиции мысли, во многом берущей начало в христианской аксиоматике, поведение человека рассматривалось как направляемое влиянием «страстей». Следы этого подхода мы можем наблюдать и сегодня — в уже тотально секуляризованной категории «эмоций» современной психологии [Dixon 2003]. К концу XVII — середине XVIII века процесс секуляризации «страстей» и наполнения их скорее позитивным содержанием — в противовес предшествующему периоду, отождествляющему их преимущественно с «пороками», — был в самом разгаре [Лаваль 2010: 26–136; Хиршман 2012: 83]. «Басня о пчелах» Бернарда Мандевиля (1714 г.), выводящая общественное благо из эгоистичного индивидуального потакания «страстям», вероятно, самый знаменитый пример этой интеллектуальной трансформации.

«Страсть к славе», «славолюбие» или «честолюбие», понимаемые как поведение, ориентированное на социальное одобрение, становились, таким образом, в общий ряд других людских «страстей». Не были исключением из рода человеческого и монаршие особы. Категория абстрактного «интереса», призванного «уравновесить страсти» и понимаемого как рациональное поведение, ориентированное в первую очередь на накопление богатства [Хиршман 2012: 62–77], еще не одержала полной и безоговорочной победы ни в политической теории, ни тем более в политической практике.

Так, знаменитый французский дипломат Франсуа Кальер в своем трактате «Каким образом договариваться с государями» (1717 г.), комментируя известный афоризм герцога де Рогана, писал: «...[он] сказал в сочинении своем об интересах Европейских государей: что “государи повелевают народами, а интерес повелевает государями”»; но можно к

тому прибавить, что страсти государей и их министров часто повелевают их интересами» [Кальер 2001: 58.]. Соответственно, мудрый дипломат учтет это и, где необходимо, распалит, а где необходимо, приглушит «страсти» своих контрагентов.

Другой известный практик государственного управления XVIII века, прусский король Фридрих Великий в своем трактате «Анти-Макиавелли» (1739–1740 гг.) разбирает эту тему намного более подробно, при этом придавая ей институциональное и «геополитическое» измерение: «...ни [один человек] не бывает бесстрастен... Однако ничто не бывает противнее для людей, ничто так не вредит славе света сего, как беспорядочное честолюбие и неумеренное желание ложной славы... Честолюбивый государь еще более несчастен, чем частное лицо, ибо **его стремление к славе равняется на его положение**, а потому оно своевольнее, необузданнее и ненасытнее. Если честь и величие являются пищей страстей частного лица, то **провинции и королевства становятся пищей честолюбия монархов**, и в этом случае частному лицу скорее удастся получить службу и должность, нежели государям завоевать королевства; следовательно, частное лицо скорее, чем государь, способно удовлетворить свое честолюбие» [Фридрих Великий 2018: 35]³.

Таким образом, сама *институциональная позиция* монарха как бы усиливала общечеловеческую склонность к «честолюбию», доводя ее до гипертрофированной формы — стремления вести войны. Если Фридрих писал свой трактат еще будучи кронпринцем и потому мог раскрывать данную взаимосвязь с позиции морального осуждения, то после восшествия на престол, по всей видимости, счел вышеприведенный пассаж скорее руководством к действию и вторгся в австрийскую Силезию, развязав войну за австрийское наследство (1740–1748 гг.)⁴. Прусский король следовал по проторенной дороге, вслед за своими коронованными «коллегам» — в первую очередь «королем-солнцем» Людовиком XIV. Вновь дадим слово Норберту Элиасу: «Король ведет войны, потому что титул завоевателя есть “благороднейший” и высочайший из всех титулов, потому что король и по своей функции, и по своему предназначению должен вести войны... [когда] Людовик XIV заключает мир, то он хвалится

³ Здесь и далее в цитатах выделено мной. — М. Д.

⁴ Екатерина II в собственноручных заметках относительно биографии Фридриха, принадлежащей перу аббата Карло Денина, в 1789 году иронично отметит: «...[Анти-Макиавелли] доказывает, что говорить и делать — не одно и то же» [Заметки... 2010: 84].

тем, что отеческая любовь к подданным взяла верх над его “собственной славой”» [Элиас 2002: 169].

В отличие от понятий «чести» [Марасинова 1999] и «добродетели» [Бугров, Киселев 2016; Маслов 2012] тесно связанная с ними «слава» в раннемодерной России практически не становилась предметом отдельного изучения, поэтому сперва обратимся непосредственно к источникам, приведя несколько примеров.

«Словарь академии российской» (1783–1794 гг.) дает следующее определение: «Слава... 1) **Обще признаваемая**, придаемая **честь**, похвала; уважение, славное имя приобретаемое добродетелью, заслугами, высокими качествами, знаменитыми деяниями, изящными сочинениями и проч. *Любить славу. Желать славу. Искать славу. Приобрести славу... Распространить славу своего оружия...* 2) Иногда означает великолепие, величие, блистательность... 3) Берется также за блаженство небесное, райское... 4) Хвала...» [Слава 1794]⁵.

Обратим внимание на то, что «слава», по сути, рассматривается как количественная характеристика — она должна быть «обще признаваемой», высшей степенью «чести». Приводимое «Словарем» определение и примеры словоупотребления указывают на наиболее типичные пути ее достижения. Включение в один ряд со «славой оружия» «изящных сочинений» под неожиданным углом раскрывает нам хорошо известный феномен эпохи Просвещения — высокое политическое влияние «философов».

Приведем еще один пример из российского контекста. Князь М. М. Щербатов (1733–1790 гг.) в своем труде «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого» занимает позицию, полностью аналогичную вышеприведенной позиции Фридриха II: институциональное положение монарха дает ему больше средств к удовлетворению общечеловеческих страстей: «Но войдем мы в слабость человеческую: сии властители народов, сидящи на престолах, силою, властью, почтением, повиновением, пышностью и славою окруженные, суть те же человеки; равные в них находятся страсти и слабости, как и в других, если и не более, **по мере могущества удовлетворять оные**» [Щербатов 2010(б): 117]

Антитезой «славы» или «истинной славы», имеющей только позитивные коннотации, для Щербатова будет слава «тщетная» (для Фридриха такое же значение имеет, как мы видели, «слава ложная»). Князь при-

⁵ Курсивом в оригинале выделены примеры словоупотребления.

водит в пример войны Людовика XIV во Фландрии: «Пол веку уж протекло, как кровавые сии войны кипели, а еще Франция чувствует вредные плоды тщетной славы прельстившегося своего короля» [Там же: 118].

К этому по необходимости краткому обзору стоит добавить чрезвычайно значимое наблюдение Дэвида Гриффитса — единственного известного мне автора, который посвятил теме «славы» в екатерининский период отдельное исследование [Гриффитс 2013]. Анализируя переписку Екатерины II с Вольтером, Гриффитс указывает на характерную именно для Просвещения, вдохновленного идеалами классической Античности, интерпретацию «славы» — главную роль в увековечивании «славы» человека будут играть не его современники, а потомки [Там же: 43]. «Слава» становилась, таким образом, формой символического бессмертия. Конкретно для монарха это означало стать в один ряд с великими правителями прошлого и, как и они, служить потомкам *примером*. Как мы можем убедиться на материале все того же сочинения Щербатова, такая интерпретация была распространена и в высших аристократических кругах России: «Не токмо живые таковым образом должны быть похвалены, но да воздастся долг нашей благодарности и умершим за оказанные ими благодеяния... Не токмо сие есть нужно, но и полезно... ибо потомство и наследники их, вкушая хвалы их предков, к тем же добродетелям побуждаются и **той же славы достойными себя учинить тщатся**. Титус, Траян и Марк Аврелий, коих имена **в вечную память и в подражание монархам** преданы, уповаю, более произвели мудрых и милосердых монархов, нежели все даваемые наставления разными мудрецами. Александр [Македонский] плачет о великих победах отца своего Филиппа; Цесарь, читая житие Александрово, к славе побуждается, и Елизавета [Петровна] Титу подражает»⁶ [Щербатов 2010(б): 117].

При этом именно нацеленность действий на приобретение посмертной славы — длительный горизонт планирования — становилась основанием, по которому можно было исключить большую часть населения («народ») из участия в политической жизни. В одном из своих ответов Дени Дидро Екатерина II указывала: «Хлеб, питающий народ, религия, которая его утешает, — вот весь круг его идей. Они будут всегда также просты, как и его природа; процветание государства, столетия, **грядущие поколения** — слова, которые не могут его (народ. — *М. Д.*) поразить.

⁶ При коронации Елизаветы была представлена опера «Милосердие Титове». Щербатов намекает на то, что Елизавета Петровна отменила смертную казнь.

Он принадлежит обществу лишь своими трудами, и **из всего этого громадного пространства, которое называется будущностью, он видит всегда лишь один только наступающий день**; он своей нищетой лишен возможности простирать свои интересы в будущее» [О состоянии России... 1880: 19].

Итак, зафиксируем некоторые ключевые для дальнейшего изложения положения. В XVII–XVIII веках стремление к славе было если не абсолютно социально одобряемо, то по крайней мере рассматривалось как неизбежный атрибут конкурентной человеческой природы, стремящейся к установлению иерархии. Соответственно, «жажду славы» не было нужды прятать, — напротив, она подчеркивалась и использовалась как средство легитимации существующего социального и политического порядка. Комплекс социальных практик, преследующих своей целью накопление этого рода символического капитала, в «зрелом» модерне (XIX век и далее) будет маркирован негативно, поведение такого рода будет порицаться (или, по крайней мере, рассматриваться как атрибут социальных слоев, отодвинутых от властных и коммерческих структур — например, «богемы»). «Скромность» станет более ходовым товаром на символическом рынке — власть, подобно деньгам, начнет «любить тишину».

Именно эта трансформация мешает нам увидеть за поведением социальных агентов XVII–XVIII веков некий социально обусловленный паттерн — мы более склонны объяснять его через личные качества отдельных исторических деятелей. Это особенно справедливо в случае российской истории, которая «и по сей день представляется пестрой Степенной книгой, в которой каждый раздел открывается с начала царствования очередного главы государства» [Марасинова 2019: 436]. Мы затрудняемся проникнуть в мотивы монархов XVII–XVIII веков, поскольку социальные порядки современности скорее выстроены по принципу иерархии дохода и имущества, в то время как для раннемодерной эпохи ключевой будет иерархия статуса и престижа. Соответственно, мы будем склонны или вовсе не обращать внимание на некоторые специфические особенности поведения социальных агентов этой эпохи, или объяснять их в анахроничных терминах, тем самым утрачивая понимание смысла их действий. Как это формулирует Гриффитс, анализируя историографию екатерининского царствования: «Ключевский не сумел увидеть в тщеславии Екатерины свойство, считавшееся скорее маскулиным, а следовательно, более допустимым, — озабоченность собственной репутацией» [Гриффитс 2013: 41].

Соответственно, рассматривая деятельность Екатерины II в качестве коронованного «административного предпринимателя», необходимо увидеть в ней не столько проявление квазигегельянского безличного феномена «становления современного государства», сколько оригинальный механизм накопления престижа. Оригинальный — и, по существу, вынужденный.

Выше мы уже видели, что наиболее распространенным средством преуспеть в статусной гонке между монархами считалась война. Хотя Екатерина будет пытаться прибегать к маскулинизации и милитаризации своего образа — сперва разъезжая на коне в мужском седле и гвардейском мундире (как на знаменитом портрете Вигилиуса Эриксона), а затем избрета «мундирное платье» [Бордэриу 2016: 15–16], — императрица явно отдавала себе отчет в том, что лично принять участие в сражениях по примеру Густава II Адольфа, Карла XII или Петра I она не может. Всю «славу», добытую в ходе Русско-турецких войн, Екатерине пришлось делить с ее военачальниками. Поэтому отличительной чертой екатерининской реформаторской деятельности будет старательное подчеркивание ее мирного и «плавного» характера, направленного к «благоденствию», «тишине», «безмятежности», а значит, выгодно отличавшегося как от бурного царствования Петра, так и от поведения других европейских монархов. Своими административными мерами Екатерина будет стремиться упрочить существующую систему социального устройства, основанную на иерархии статуса, но развернет ее в необходимую для себя сторону, учитывая свою собственную структуру жизненных шансов.

Тема славы в собственноручных текстах Екатерины II

Великая княгиня

Сохранилось не так много источников личного происхождения, относящихся к периоду, предшествовавшему восшествию Екатерины на престол. Поэтому очень показательным, что в сохранившейся небольшой по объему «Особой тетради» (1758–1761 гг.) мы видим, что будущая императрица уже задумывается над необходимостью прославить себя и намечает пути к достижению этой цели. Так, она пишет: «...желаю и хочу только блага стране, в которую привел меня Господь. Слава ее делает меня славною» [Особая тетрадь... 2010: 39]. В качестве конкретного пути к достижению славы государства, а следовательно монарха, Екате-

рина указывает увеличение благосостояния аристократии и численности населения империи, которых можно достигнуть через поддержание мира: «Государи **кажутся более великими** по мере того, как природные знатные и приближенные благоденствуют в отношении богатства. Изобилие должно царствовать в их домах, а не подложная роскошь, основанная на неоплатных долгах, так как тогда **вместо величия выказываются потешное тщеславие**, над которым насмеются иностранцы... **мир доставит нам более уважения**, чем случайности войны, всегда разорительной» [Там же: 39–40].

Уже намеченная здесь тема достижения «изобилия» через мир станет постоянным рефреном во многих последующих текстах, вышедших из-под пера императрицы.

Восшествие на престол

Тема славы обнаруживается и в самом начале екатерининского царствования. Озабоченная обоснованием дворцового переворота, свежеспеченная императрица в своем довольно коротком «Манифесте о восшествии на престол» (28 июня 1762 г.) обвиняет своего свергнутого супруга не только в намерении нанести урон православной вере, но и в прямом смысле «бесславном» завершении Семилетней войны: «Слава российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием чрез многое свое кровопролитие, заключением нового мира самим ее злодеям отдана уже действительно в совершенное порабощение» [Законодательство... 2000: 60]. В намного более подробном «Обстоятельном манифесте о восшествии ее императорского величества на всероссийский престол» (6 июля 1762 г.) тема славы становится значительно менее абстрактной и обращается от России к самой фигуре Петра III.

Екатерина обвиняет его в поведении, разрывающем символическую династическую преемственность. В бытность великим князем, повинувшись своей любившей его «по крови» тетке (Елизавете Петровне), практически исключительно из страха Петр «предпочитал угождать страстям своим доброду и приличному порядку столь великой короны наследника» и демонстрировал по отношению к Елизавете «посредственное любочестие»⁷ [Там же: 65]. После же смерти императрицы Петр и вовсе

⁷ «Словарь академии российской» определяет «любочестие» как «любление воздавать честь другому» [Любочестие 1794: 731]. Таким образом, свергнутый император обвиняется в нарушении норм статусной реципрокности.

«глазами радостными на гроб ее взирал», и если бы не усилия Екатерины, то похоронная церемония (якобы) не была бы проведена в должном порядке. Обратим внимание, что эти обвинения, по сути, в девиантном поведении, разрушающем социальный порядок, предшествуют в тексте документа обвинениям в оскорблении православной веры, намерении отрешить сына (Павла Петровича) от наследства, «ненависти» к гвардии, раздроблении армии и т. д. В конце «Манифеста» приводится небольшое письмо Петра к Екатерине, в котором свергнутый император объясняет уже свою собственную мотивацию отречься от российского престола: «...восчувствовал я внутреннюю [Российского государства] перемену, наклоняющуюся к падению его целостности и к приобретению себе вечного чрез то бесславия» [Там же: 68]. Ясно, что у проигравшего экс-императора не было особого выбора, но сама артикуляция желания остаться в памяти потомков не слишком запятанным в качестве *ключевого* обоснования отречения весьма показательна.

Комиссия о сочинении проекта нового Уложения (1767 г.)

Наиболее богатым на топику славы из всего корпуса екатерининских текстов является «Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» [Наказ... 2010]⁸. Это во многом объясняется необычным характером самого документа: он не рассматривался императрицей в качестве законодательного акта в прямом смысле этого слова, а скорее имел черты идеологической программы. Соответственно, именно в полуофициальном тоне «Наказа» наиболее легко уловить семантические связи между «славой» и другими социально-политическими категориями.

Уже ст. 2 документа провозглашает, что «всякого честного человека в обществе желание есть или будет, видеть все отечество свое на самой высшей степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия». Ценности престижа и репутации, вновь встают таким образом в единый семантический ряд с ценностями безопасности и экономического процветания. Эта конфигурация окажется в высшей степени устойчивой и будет неоднократно воспроизводиться в дальнейшем и непосредственно в тексте «Наказа», и в других источниках. Место монарха в этой картине мира конкретизировано в ст. 15: «Самодержавных правлений намерение

⁸ Чтобы избежать перегрузки текста сносками, далее я ограничусь приведением номеров статей «Наказа» без указания страниц.

и конец есть слава граждан, Государства и Государя». При этом «от сей славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в Державах сих может произвести столько же великих дел и столько [способствовать] благополучию подданных, как и сама вольность» (ст. 16). Этот пассаж довольно трудно однозначно интерпретировать, но, возможно, Екатерина имела в виду, что стремление заработать славу подталкивает самодержавного правителя к линии поведения, нацеленной на минимальное ограничение прав подданных и увеличение их экономического процветания. В любом случае вновь обратим внимание на тесное соседство «славы» и «благополучия».

Излагая общие принципы, на которых должно быть устроено имперское законодательство, императрица в ст. 45 главы VI («О законах вообще») перечисляет факторы, направляющие его социальное поведение («господствующие над человеком»). К ним она относит религию, климат, законодательство, нравы, обычаи и, что наиболее интересно для нас, «примеры дел прошедших». Далее она пространно приводит известные ей примеры из истории, которые кажутся ей образцами того, как должна или, напротив, не должна функционировать правовая система. Подробно останавливаясь на насущной теме смертной казни и применении пытки в судопроизводстве, Екатерина пишет: «Двадцать лет государствования Императрицы Елисаветы Петровны [отменившей смертную казнь] подают отцам народов пример к подражанию изящнейший, нежели самые блистательные завоевания» (ст. 210). Противопоставление мира войне в деле добычи славы, таким образом, разрешается в пользу мира. Отмена же пытки не только гуманна, но и политически функциональна. Помимо увеличения символического капитала правителя, она в то же время не дает этого сделать различным религиозным фанатикам и лжепророкам («зараженны[м] пороком притворного некоего вдохновения и ложной святости»), которые стремятся «из самой боли получить себе славу и пищу» (ст. 217)⁹.

Наиболее подробно Екатерина II раскрывает свое понимание «славы» в статьях 306 и 307. В отличие от Фридриха Великого или князя Щербатова, она не будет пытаться различать разные типы «славы», а противопоставит ей другое понятие — «гордость». «Правильная» ста-

⁹ Характерно, что именно в вопросе применения пытки «Наказ» фактически приобретет силу закона: в 1767 году императрица разошлет его губернаторам, повелев руководствоваться им в делах, «доходящих до пыток». Это распоряжение впоследствии будет неоднократно подтверждаться [Каменский 2016: 226–227].

тусная мотивация рассматривается ею как порождающая все общественные блага, в то время как «неправильная», разумеется, порождает все пороки: «...славолюбие есть столь твердая подпора правлению, сколько опасна гордость... бесчисленное множество благ, от славолюбия происхо[дит]: отсюда рачение, науки и художества, учтивость, вкус; а с другой стороны, бесконечное число зол, рождающихся от гордости некоторых народов: лень, убожество, отвращение от всего, истребление народов, случайно им во власть пришедших, а потом и их самих гибель... гордость приводит человека устраниваться от трудов; а славолюбие побуждает уметь трудиться лучше пред другими».

Описывая свое видение оптимального социального устройства империи, Екатерина дает свое знаменитое определение дворянства, выделяемого исключительно по статусному признаку, — оно «есть нарицание в чести» (ст. 360). Хотя императрица признаёт, что скорейшим путем к «получению чести» традиционно является военная служба (ст. 365), однако указывает, что «приобретать сие достоинство можно и гражданскими добродетелями», неся службу в административном и судебном аппарате империи (ст. 367–368). Лучшими способами сохранить «честь» Екатерина видит «любовь к отечеству» и соблюдение законов (ст. 373). «Любовь к отечеству» же, как объясняет нам следующая статья, есть в первую очередь любовь к государю (ст. 374).

Даже сама техника законотворчества описывается императрицей как имеющая непосредственное отношение к статусной мотивации в ее негативном проявлении: «Законы не должны быть тонкостями, от остроумия происходящими, наполнены (ст. 452)... когда слог законов надут и высокопарен, то они иначе не почитаются, как только сочинением, изъясляющим высокомерие и гордость (ст. 455)». В качестве образцового примера «ясности слога» Екатерина приводит Соборное Уложение Алексея Михайловича (1648 г.).

Наконец финальным аккордом, разъясняющим связь между славой и необходимостью принять новый свод законов, а также место самого законодателя в этой конструкции, являются статьи 519 и 520: «... правда, что хорошее мнение о славе и власти Царя могло бы умножить силы Державы его; **но хорошее мнение о его правосудии равным образом умножит оные**... все сие [сказанное] не может понравиться ласкателям, которые по вся дни всем [правителям] говорят, что народы их для них сотворены. Однако же Мы думаем и за Славу себе вменяем сказать, что Мы сотворены для Нашего народа, и по сей причине Мы обязаны говорить о вещах так, как они быть должны».

В изданной после «Большого Наказа» довольно пространной дополнительной главе XXII «О расходах, доходах и о государственном управлении, сиречь о государственном строительстве, инако камерным правлением нарицаемом», Екатерина выстраивает довольно сложную интеллектуальную конструкцию, объясняющую ее видение экономической политики. Обратим внимание только на две статьи, имеющие непосредственное отношение к интересующей нас теме. В ст. 579 Екатерина обосновывает необходимость поддерживать высокие расходы на императорский двор, выводя ее уже не из задачи производить правильное впечатление на иностранцев, а из нужд обеспечивать правильные стимулы внутри статусно дифференцированного социального устройства самой России. Пышный двор поощряет намерение подданных отличиться: «Благопристойность требует, чтоб довольство и великолепие окружали престол, аки источник благоденствия обществу, от которого истекают награждения, ободрения и милости. На сие расходы нужны и полезны».

В последней статье главы, завершающей таким образом весь «Наказ» вообще, Екатерина акцентирует важность правильной экономической политики: «...только [она] может составить, укрепить и в веки продлить безопасность государства, благосостояние народа и славу Самодержца» (ст. 655). Вновь мы видим понятийную триаду из «славы», «безопасности» и «благосостояния».

Тема славы как статусной мотивации неоднократно появится и непосредственно в ходе работы Уложенной Комиссии. Говорящий от лица императрицы вице-канцлер А. М. Голицын при открытии работы Комиссии подчеркнет в своей речи, что депутаты «имеют случай прославить себя и... век и приобрести себе почтение и благодарность будущих веков» [Цит. по Бабкова 2021]¹⁰. При этом сам депутатский корпус приобрел отчетливые черты отдельной статусной группы, намеренно оторванной законодателем от общей имперской сословной структуры. Рассадка по местам осуществлялась по заранее определенному Екатериной порядку губерний, а не по сословной принадлежности или месту в Табели о рангах. Депутаты от разных сословий одной губернии рассаживались соответственно очередности их приезда в Москву, где заседала Комиссия. В ходе заседаний они должны были обращаться друг к другу

¹⁰ Я выражаю свою благодарность Галине Олеговне Бабковой, которая любезно дала мне ознакомиться со своей статьей, еще не вышедшей из печати.

и соответственно фиксироваться в протоколах исключительно как «Г. Депутат [от] такого-то места», и этот принцип неукоснительно соблюдался [Там же]. Депутаты рассматривались как находящиеся под «собственным [императорским] охранением», пожизненно освобождались от смертной казни, пыток и телесных наказаний, их имущество не могло быть конфисковано кроме как за долги, преступление против депутата наказывалось вдвое более строго [Законодательство... 2000: 156]. Весь депутатский корпус получил отличительные знаки, причем депутатам от дворянства по успешном завершении работы Комиссии (так никогда и не состоявшемуся) дозволялось поместить эти знаки в родовые гербы, «дабы потомки узнать могли, какому великому делу они участниками были» [Там же]. Обозначив преференции, законодатель предполагал также использовать статусный механизм и для вынесения санкций. В случае нарушения регламента работы Комиссии депутату выносилось публичное порицание, чтобы «всей Комиссии неудовольствие на себе да понес[ло] его самолюбие» [Там же: 186].

В ходе работы Комиссии состоялся знаменитый эпизод с предложением депутатского корпуса преподнести Екатерине титулы «Великой, Премудрой и Матери Отечества». Ответ Екатерины на него подтверждает вышеприведенное мнение Дэвида Гриффитса о том, что для императрицы была важна в первую очередь именно посмертная слава. В черновике своей речи императрица напишет: «1) на Великая — о моих делах оставляю **времени и потомкам беспристрастно судить**. 2) Премудрая — никак себя назвать не могу, ибо один Бог премудр. 3) Матерь Отечества — любить Богом врученных мне подданных я за долг звания своего почитаю...» [Проект ответа...: 267].

По самой имманентной логике работы статусной системы *отказ* от двух из трех предлагаемых титулов (Екатерина согласилась быть «Матерью Отечества») принес императрице солидные символические прибыли еще до ее перехода в иной мир — мы увидим это, когда кратко коснемся образа Екатерины в одической поэзии.

Наконец необходимо упомянуть о внешнеполитическом значении «Наказа». Екатерина послала «Наказ» Вольтеру на французском языке, а своему коронованному коллеге Фридриху II на немецком. Позднее он был переведен на латинский, новогреческий, итальянский и польский языки. В 1769 году «Наказ» был запрещен во Франции по распоряжению государственного секретаря по иностранным делам (фактически министра иностранных дел) Этьена де Шуазеля. Очевидно, что основанием запрета послужило не хорошо знакомое французам идейное содержание

«Наказа», а личность его автора¹¹. Таким образом, «Наказ», помимо всего прочего, стал инструментом статусной борьбы на международной арене.

Губернская реформа (1775 г.), Жалованные грамоты дворянству и городам (1785 г.) и Манифест о поединках (1787 г.)

«Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи» [Законодательство... 2000: 380–469] являются самым масштабным административным предприятием в царствование Екатерины II. В ходе реформы была ликвидирована идущая от Петра I трехзвенная система административно-территориального устройства «губерния — провинция — уезд». Вместо нее была введена двухзвенная система «губерния — уезд», а сами губернии разукрупнены таким образом, чтобы число жителей в каждой из них составляло 300–400 тыс. человек. Установленные в ходе реформы границы центральных российских губерний оставались практически неизменными до самого конца Российской империи. Учрежденные губернии и уезды нуждались в административных центрах, поэтому статус города (с вытекающими из него экономическими преимуществами) получили многие села и деревни, что подстегнуло процессы урбанизации. В губерниях была создана довольно сложная и разветвленная система сословных судебных органов, отделенных от администрации, которая, оставаясь в своей основе неизменной, просуществует до реформ Александра II, т. е. около девяноста лет¹². Соответственно, сильно выросли расходы на поддержание адми-

¹¹ Французский дипломат Луи-Филипп де Сегюр, прибывший в Россию в 1785 году, ознакомился с «Наказом» в петербургской библиотеке и нашел его «довольно полным извлечением из бессмертного Монтескьё» [Сегюр 1989: 322].

¹² Тезис о том, что на самом деле декларированного «разделения властей» не произошло, на протяжении долгого времени господствовал в историографии, при этом парадоксальным образом сочетаясь с практически полным отсутствием исследований непосредственной практики губернского судопроизводства. В этой связи интересным выглядит замечание Алисе Плате, что первый этап исследования «Учреждений» производился уже после судебной реформы 1864 года, которую стремились легитимировать через ее противопоставление «старому суду», представленному в самом худшем свете [Плате 2018: 5–6]. Соответственно, позднее, как часто бывает, этот историографический штамп начал самовоспроизводиться не только в исследованиях советского периода, идеологически заинтересованных в

нистративного и судебного аппарата. За двадцать лет (1773–1792 гг.) они увеличились более чем в три раза: с 2,6 до 8,3 млн рублей, что в процентном соотношении к общему «бюджету» империи означало повышение доли расходов на местное управление с 9 до 17 % [Писарькова 2007: 453–454]. Общая численность аппарата местного управления, развернутого по новым штатам, составила примерно 49 тыс. человек. При этом соотношение назначаемых короной чиновников к выборным из числа местного населения было примерно одинаково: приблизительно по 9–11 тыс. в той и другой категории (при численности канцеляристов, обслуживающего персонала и медиков примерно в 30 тыс. человек) [Там же: 432].

Идейное обоснование имплементации нового губернского устройства, выраженное в преамбуле «Учреждений», воспроизводит уже знакомую нам связку между «примером предков», «славой» и ценностями мира и безопасности. Екатерине необходимо было оправдать демонтаж административной системы, восходящей к неприкосновенной в публичном дискурсе фигуре Петра Великого. Поэтому документ начинается с довольно пространной исторической справки о деяниях Петра, который, «желая видеть империю на наилучшей степени славы и порядка», даже занятый военными походами, находил время для издания «разнообразных законов и учреждений» [Законодательство... 2000: 380–381]. Однако в связи с его смертью процесс преобразования империи был прекращен, поскольку «многие по блаженной его кончине бывшие перемены, разные правила и мысли, частые войны, хоть и не умаляли величества империи, но наводили на установления сего великого императора или отмены, либо отнимали мысли к продолжению им начатого» [Там же: 381]. Преобразования, по мнению Екатерины, возобновились только с созывом Уложенной Комиссии в 1766 году. И хотя начавшаяся Русско-турецкая война помешала Комиссии довести ее дело до конца, но «Бог однако ж, благословляющий намерения благие... даровал нам славный мир с совокупно восстановленными тишино[й] и покоем» [Там же]. Таким образом, в преамбуле «Учреждений» Екатерина представляла не в образе могильщика петровской административной системы, а в качестве продолжительницы дела великого императора, способного, как и он, не

любой возможной делигитимации «царизма», но и в зарубежной историографии, отрезанной железным занавесом от архивных материалов и потому вынужденно базирующейся на историографии имперской. Новые исследования в этой области только начинают появляться.

дать войнам помешать благоустройству империи и приспособляющего его наследие к «переменившимся обстоятельствам».

Изданные в 1785 году «Жалованная грамота дворянству» [Законодательство... 2001: 29–49] и «Жалованная грамота городам» [Там же: 77–119] развивали многие положения «Учреждений», касающиеся сословного самоуправления. Дворянские «собрания» и городские «общества», понимаемые как органы корпоративного самоуправления, получили весьма широкие полномочия: право на собственный «бюджет», право на «предоставление» губернатору, Сенату и императрице о «своих общественных нуждах и пользах»; окончательно было закреплено право на внутрисословный суд. Здесь также стоит подчеркнуть введенные законодателем новые элементы статусной дифференциации. Так, дворянские собрания получают право на свою печать (ст. 52) [Там же: 38], а города (впервые в российской истории) — на герб (ст. 28) [Там же: 81]. Списки дворянства и горожан, которые необходимо вести новым органам самоуправления, так же дифференцируются по статусному принципу, хотя в случае горожан имущественная иерархия тоже начинает играть значимую роль.

Дворянская родословная книга делит дворян на шесть разрядов соответственно пути, которым они получили эту «честь»: 1) «действительное» (получившие дворянство в результате «действия» российского монарха, прямым пожалованием); 2) «военное» (через Табель о рангах); 3) «осьмиклассное» (восьмой класс гражданской службы давал право на получение дворянства); 4) «иностранные роды» вступившие в российское подданство; 5) «отличное титулами» (князь, граф, барон «или иное»); 6) «древнее благородное» — «те роды, коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят; благородное же начало их покрыто неизвестностью» [Там же: 42–43].

«Городская обывательская книга» симметрично делит горожан на шесть разрядов: 1) «настоящие городские обыватели» (имеющие в городе имущество); 2) члены трех купеческих гильдий; 3) цеховые; 4) «иногородние и иностранные гости»; 5) «именитые граждане»; 6) посадские (по сути, это категория «другое» — сюда попадают все работающие в городе, не внесенные в другие части книги). Наиболее интересна здесь категория «именитых граждан», представляющая любопытный пример смешения статусной и имущественной иерархии. Законодателем предусматривается семь оснований для включения в эту категорию: 1) отличившиеся в органах городского (само)управления; 2) обладатели диплома университета или Академии наук; 3) деятели искусства, имеющие

аттестат от Академии художеств; 4) «капиталисты», имеющие капитал более 50 тыс. рублей; 5) банкиры, чьи банки имеют капитал от 100 тыс. рублей; 6) оптовые торговцы, не имеющие в городе лавок; 7) владельцы кораблей, занимающиеся торговлей с иностранными державами [Там же: 86–87].

Какую же роль в этом устройстве империи Екатерина отводит себе? Прембула «Жалованной грамоты дворянству» начинается с констатации превосходного состояния России «в сем знаменитом столетии», которое является следствием правильного социального устройства, где «в военном и гражданском деле примером предводителей поощрены подчиненные на деяния, хвалу, честь и славу за собой влекущие» [Там же: 29–30]. Далее законодатель переходит к довольно длинной мотивировке необходимости введения нового закона, понимая его как очередное звено в длинной, укорененной в европейской истории, цепи актов, поощряющих статусно-ориентированное поведение. По версии Екатерины, сначала появились «похвальные грамоты... [которые] суть... остатки того отличного подвига, за который хвала последовала, как дар наидрагоценнейший благородной и честь прямо любящей душе» [Там же: 30]. За ними последовали «гербы, дипломы на достоинства и патенты на чины совокупно с наружными украшениями» [Там же]. Затем появились «всероссийские кавалерские ордены»: Андрея Первозванного, Святой Екатерины, Александра Невского и учрежденные уже самой Екатериной военный орден Святого Георгия («чтобы отличать победителей») и Святого Владимира («в награждение трудов в военном и гражданском звании, приносящих общую пользу, честь и славу») [Там же: 31]. Поводом же присоединить к этой длинной цепи еще одно звено — «Грамоту» — стали заслуги дворянства в Русско-турецкой войне (1768–1774 гг.), принесшие бессмертную славу ему и его сюзеру: «Вас хвалим, о потомки! **Достойные предков своих.** Сии были основа величества России, вы силу и славу Отечества совершили шестилетними непрерывными победами... **Удивительны без сомнения будут потомкам** сии многочисленные победы по краям вселенной; но вечная слава заключенного в... Кучюк-Кайнарджи мира... поставит удостоверение о бытии оных выше забвения и сомнительности... **подражая примерам правосудия, милосердия и милости в Бозе почивающих российский престол украсивших и прославивших предков НАШИХ...** повелеваем, объявляем, постановляем и утверждаем в память родов... следующие статьи» [Там же].

Таким образом, «Жалованная грамота дворянству» представляет Екатерину в качестве реципиента, добытой шпагой славы русского дво-

рянства и двух его замечательных представителей — фельдмаршалов П. А. Румянцева и Г. А. Потемкина, упомянутых в преамбуле «Грамоты» по имени. Дворяне рассматриваются как социальные агенты, чьи усилия по добыче «чести» и «славы» прославляют и их сюзерена. Для горожан же как социальной группы подобное поведение, разумеется, нехарактерно. Поэтому преамбула «Жалованной грамоты городам», наиболее эксплицитно формулирующая способы, которыми желает прославиться лично Екатерина, говорит преимущественно о собственно «городах», а не о «горожанах». Императрица использует античный образ Александра Македонского, повсюду возводящего Александрии: «Начиная от древности, мраком покрытой, встречаем МЫ повсюду **память градоздателей, возносимую наравне с памятью законодателей**, и видим, что герои, победами прославившиеся, тщились градозданием дать бессмертие именам своим» [Там же: 77].

Далее следует замечательный образец «конструирования прошлого», обосновывающий необходимость заняться мирным обустройством империи через введение двухтактной схемы, в которой оно следует за завоеванием: «...предки российские — **славяне, от славных подвигов и самое название свое получившие**, где только досягала победоносная рука их, оставляли следы свои созиданием градов... Всероссийские САМОДЕРЖЦЫ от самых древних лет с расширением пределов владычества их и с умножением народным умножали и число городов, дая в них **безопасное** пристанище торгу и рукоделиям... Полезным таковым **установлениям предков НАШИХ МЫ тщились подражать** по мере размножения народа и взращения богатства его, как то свидетельствуют города... числом двести шестнадцать, воздвигнутые повсюду» [Там же].

Завершим обзор екатерининского законодательства рассмотрением «Манифеста о поединках» (1787 г.) [Законодательство... 2001: 853–863]. Этот законодательный акт значительно менее известен, чем предыдущие, но чрезвычайно важен именно в контексте интересующей нас темы. По свидетельству французского посла при русском дворе Луи-Филиппа де Сегюра, «нередко Екатерина с гордостью удовлетворенного самолюбия говорила [мне]... о двух указах, которые она высоко ценила: один из них — дворянская грамота, а другой — об отмене дуэлей» [Сегюр 1989: 323]. «Манифест о поединках» предельно конкретизирует значение «Жалованной грамоты дворянству» как «охраня[ющей] честь родов и лиц на времена настоящие и грядущие соразмерно заслугам прежним, нынешним и впредь от потомства их надежно ожидаемым» — вновь мы видим, что статусный признак является ключевым и задает всю структу-

ру социальных ожиданий [Законодательство... 2001: 853]. Далее Екатерина практически дословно воспроизводит упоминавшуюся выше ст. 374 «Наказа Уложенной Комиссии», повторяя, что любовь к отечеству — это любовь к государю, следовательно, долг каждого дворянина состоит в безусловном подчинении воле монарха. Очередным историческим примером, призванным легитимировать запрет поединков, было указание, что «прославившиеся в древности народы славянские, греки и римляне не употребляли оружия... в личной ссоре» [Там же: 854]. Императрица полагала, что увлечение дворянства поединками — это нечто привнесенное в Россию извне, поскольку ранее «воплъ народов, отягощенных игом [дуэлей] ссылался с неким восхищением на российские нравы и обычаи, хваля... кротость и великодушие его в прощении... личной обиды» [Там же]. Екатерина призывала имперское дворянство последовать ее собственному примеру, вновь ссылаясь на «Наказ»: «...МЫ САМИ вынули из... закона о оскорблении ВЕЛИЧЕСТВА находившееся в оном неразличие слова со преступлением и вменяли СЕБЕ за честь, за славу сказать НАШЕМУ народу, что “слова не составляют вещи, подлежащей преступлению”» [Там же: 854].

Мы вновь видим устойчивую связку между «славой» и «безопасностью» (со ссылкой на «пример» самой императрицы). Но на этот раз речь идет не о безопасности всей страны в целом, а о безопасности личной.

«Слава» как политический инструмент

Итак, мы могли убедиться, что стремление достичь славы понималось самой императрицей и в качестве ключевого механизма работы современного ей социального устройства, и как один из главных побудительных мотивов к законотворчеству. Однако слава выполняла еще две ключевые политические функции: установление связи императрицы с ее «предками» на российском троне и возвышение Екатерины над другими европейскими монархами.

Наиболее четко эти темы выражены в придворной оде. Разумеется, сама специфика этого жанра состоит в гипертрофированном подчеркивании тех черт деятельности Екатерины, которые, по мысли авторов од, должны были польстить императрице. Однако именно эта жанровая особенность намного более фактурно отображает уже знакомую нам по законодательству связь между «славой», «миром», «примером» и реформаторской деятельностью. Я прибегаю к краткому анализу произведений

трех, пожалуй, самых знаменитых поэтов екатерининского периода: В. П. Петрова, В. И. Майкова и Г. Р. Державина. Здесь нас не будут интересовать сложные взаимоотношения поэтов, а также внутренняя динамика самого жанра оды в России второй половины XVIII века. Но необходимо подчеркнуть, что если «поэт в России — больше чем поэт», то это особенно справедливо для рассматриваемого периода. Все анализируемые мной авторы в тот или иной момент времени находились на государственной или придворной службе, имея, соответственно, ту или иную степень доступа к «правильному» пониманию избранного Екатериной политического курса. В. П. Петров состоял при кабинете императрицы, В. И. Майков был товарищем московского генерал-губернатора, а Г. Р. Державин дослужился до министра юстиции Российской империи.

В оде Петрова «На сочинение нового Уложения» связь между миром и славой артикулирована наиболее четко. Фигура Екатерины противопоставлена фигурам других монархов и классическим античным образцам, ищущим славы через кровопролитие:

Кто лютостью, как тигр, пылая,
Стремится в бурных мыслей путь,
Ногами трупы попирая,
Спешит **лавр лестный достигнуть**,
Плывя в реке кровавой пены,
Готовит чуждым тронам плены
И сирым тяготу желез, —
Внезапным счастливым вероломством,
Пред поздным льститесь быть потомством
Достойный песней Ахиллес.
Екатерина в недрах мира,
Покоя сладкого в тени,
В дыханьи нежного зефира
Дает вкушать златые дни:
Ее кротчайшая держава
Жизнь подданным, ей — вечна слава [Петров].

В середине оды Петров вводит фигуру явившегося из рая Петра Великого, который, обращаясь к своей дочери Елизавете, хвалит ее за то, что она приняла Екатерину в императорский дом. Намекая на схожесть путей, которыми обе монархини взошли на престол, поэт легитимирует дворцовый переворот 1762 года через речь первого русского императора, добившегося для Романовых доступа в европейское династическое пространство:

Отверзлись светлостей небесных
Бессмертным входные врата!
Мой дух, видений полн чудесных,
Со страхом горни зрит места.
Преславен в сонме венценосцов
Открылся обновитель россов,
Законодавец и герой,
И купно с ним Елисавета,
Исполненна подобна света,
Пречудна равной красотой.
«Приникни на Екатерину, –
Речет ко дочери Петр своей, –
Отраду по тебе едину
Сраженных скорбию людей;
Избранну в нашу кровь тобою,
Что тою ж, как тебя, рукою
Небесный промысл увенчал...» [Там же].

Завершение оды подчеркивает преемственность между царствованиями через топику мира, безопасности и тишины:

С престолом тишину наследствуй,
Чем цвел Елисаветин век.
Но твой да тем пребудет тише,
Чем счастием народным выше,
Всех благ сокровищем востек [Там же].

Фигура Петра Великого, который прямой речью устанавливает связь между царствованиями Елизаветы и Екатерины, уже была использована В. И. Майковым непосредственно после дворцового переворота в 1762 году. Однако у Майкова, в отличие от Петрова, первый русский император не снисходит с неба, а появляется из «земных недр». Здесь, задолго до «Учреждений об управлениях губерниями» и даже до «Наказа Уложенной Комиссии», мы видим Екатерину в образе продолжательницы дела Петра в области законодательства:

Прервите ваш, о чада, стон,
И тягость уст сих отложите,
Екатерину возведите
На утвержденный мною трон.
Она отверзет к славе двери,
К тому в ней кровь воспалена.

**Она моей подобна дщери,
Ей Богом кротость та ж дана;**
Моя в ней мудрость обитает,
Она сим скиптром править знает,
Она правдивый даст вам суд,
Она мои дополнит правы,
Она исправит грубы нравы,
Пред ней враги ее падут [Майков].

В более поздней «Оде на всерадостный день восшествия на всероссийский престол... июня в 28 день 1768 года» Майков заставляет говорить прямой речью уже не первого российского императора, а самого Бога. Однако ранее намеченные семантические связи остаются всё теми же устойчивыми:

Когда Россию я прославить
Уже упавшую хотел,
Петра я должен был восставить,
Чтоб он с собой ее возвел;
Тебя для славы и покою
Возвел на трон моей рукою,
Дабы Россия процвела [Там же].

Принадлежащая тому же Майкову «Ода на случай избрания депутатов для сочинения проекта нового Уложения» буквально переполнена топикой славы. Приведем лишь несколько примеров, подтверждающих рассмотренное выше определение «славы» как «общей известности» в том числе и среди потомков:

Восход твой на престол преславлен,
Кто может быть с тобою равен!
Тому свидетель целый свет.
<...>
Твои дела в России громки,
Узнают поздны их потомки
И слава славе пойдет вслед [Там же].

Майков рассматривает типичные образцы поведения монархов, выгодно противопоставляя им образ Екатерины, жаждущей мира, но и способной в случае войны защитить свой народ:

Владелец славен тишиною,
Но, подданных слабейший щит,
Другой кровавою войною
Свою державу пустошит
И славе жертвует народы.
Его владение, как воды,
Которы, с гор лиясь, ревут,
Большие камни с мест их гонят,
Древа матеры с корня клонят,
Терзают берег свой и рвут.
В твоем владении польза выше
Текущих из Эдема рек,
Твоя душа зефира тише,
Дающа нам спокойный век [Там же].

Прославление ценностей мира достигает у Майкова особого накала посреди событий Русско-турецкой войны 1768–1774 годов. В своем произведении «Война» (1773 г.) поэт прибегает к типичному противопоставлению «Золотого века» и современности — естественно, не в пользу последней:

Представь, о древность, мне пред очи
Вселенная **спокойный век!**
Там в сладком мире дни и ночи
Препровождает человек;
<...>
Но, тщетно пленяясь славой,
Неблагодарный человек
И сею лютою отравой
Разрушил сам златый свой век:
<...>
Лежат растерзанные члены,
Там труп, а там с главой рука,
И сквозь разрушенные стены
Течет кровавая река [Там же].

Обращаясь к Богу, лирический герой «Войны» умоляет его выбрать достойнейшего из смертных, призванного остановить кровопролитие. Им закономерно оказывается русская императрица:

Кто ближе всех к тебе душою,
Тому во власть меня вручи,

Да он десницею своею
Сотрет враждующих мечи.
Премудрая Екатерина
Сего достойна лишь едина,
Из смертных равного ей нет,
Вручи во власть ее весь свет! [Там же].

Долгожданное заключение мира дает Майкову новый повод поставить русскую императрицу в пример другим монархам в «Оде ее величеству на торжество заключенного мира между Российской империей и Оттоманской Портой» (1775 г.). Смешивая древность и современность, поэт ставит Екатерину в один ряд с величайшими правителями прошлого. Однако подчеркивает, что, в отличие от них, императрица добилась вечной славы благодаря миролюбию и труду на благо своей державы:

О вы, вселенная владыки,
Услышите сей правды глас:
Не тем вы должны быть велики,
Что знаки царские на вас;
Не красила вовек корона
Калигулу, ниже Нерона,
Таких главы тягчит венец.
И Тит не тем прославлен в мире,
Что был во царской он порфире,
Но тем, что Риму был отец.
Екатерину не порфира
Меж вас великою творит;
**Екатерина — ангел мира,
Она вселенной мир дарит;
Она не тамо ищет славы,
Где меч лиег ручьи кровавы;
Но ищет той в спокойных днях** [Там же].

Уже проторенным путем следовал и Г. Р. Державин. В оставшейся неопубликованной «Оде Екатерине II» (1767 г.) поэт воспроизводит все те же штампы:

[Бог] дал нам то в императрице,
Чем Петр премудр в законах слыл;
Что купно видел свет в девице,
Как век ее незлобив был:
Шумящей славе не внимает,

Что вместе с плачем прилетает;
Но чем народна тихость боле,
Свой тем единым красит трон [Державин. Ода Екатерине II].

В «Оде на день рождения Ея Величества, сочиненной во время войны и бунта 1774 года» Державин делает особый акцент на то, что текущие события происходят вопреки воле и желанию императрицы, а миролюбие Екатерины должно стать примером другим монархам. В пределе же желательно, чтобы из монархов осталась только одна Екатерина:

На боголепном предков троне,

Екатерина, — русский свет:

<...>

Твои доброты — охраненье

От всех нам зол в стране твоей:

Законы, казни всей вселенной

Не могут жизни дать блаженной,

Как благ один пример царей.

<...>

В завидших нашему покою

Победоносною войною

Перун и ты пустила свой.

<...>

Приидут царие вселенны,

Твоею славой восхищенны,

Учиться царствовать к тебе.

<...>

Ужель на сей один конец

Все твари только и созданны,

Вели чтоб брани непрестанны?

О Боже благ, щедрот Отец!

Нельзя ль из хаоса злосчастьев

Нам свет Тебе соделать счастьеев

И слезы наши отереть?

Подай, да царствует едина

Над светом всем Екатерина:

Им должен тот, кто благ, владеть [Державин. Ода на день рождения...].

Этот мотив повторяется в оде «На отсутствие Ея Величества в Белоруссию» (1780 г.). Написанная по случаю отъезда Екатерины в Могилев для встречи с императором Священной Римской империи Иосифом II и напечатанная в «Санкт-Петербургском вестнике», она поначалу не при-

влекла особого внимания. Однако уже в 1783 году оду перепечатали в «Собеседнике любителей российского слова» — Екатерина использовала произведение в своей начавшейся в это время литературной баталии с прусским королем Фридрихом II [Ивинский 2012]. Лирический герой оды умоляет императрицу вернуться в Петербург по случаю открытия новых учреждений в результате губернской реформы:

Возвратися — и уставы
Ты собою освяти,
К храму счастья и славы
Нам являючи пути.
<...>
Пусть и дальны зрят народы
Кротость твоего лица,
Власть, приятнейшу свободы,
Привлекающу сердца!
Пусть цари тебе дивятся,
Мирно царствовать учатся,
Мирный твой храня завет, —
И, простря Европа длани,
Пусть тебе, на место дани,
Благодарность принесет [Державин. На отсутствие...]

В принесшей Державину широкую известность шуточной «Фелице» (1783 г.) поэт демонстрирует свое знание текста «Наказа Уложенной Комиссии», воспроизводя екатерининскую дихотомию между отрицательно окрашенной «гордостью» и полезным «славолюбием». Комментируя вышеописанный эпизод с преподнесением Екатерине новых титулов, поэт обращает отказ императрицы их принять в еще одно свидетельство высоких достоинств монархини:

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
<...>
Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки

Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить! [Державин. Фелица].

Завершим рассмотрение одической традиции екатерининского царствования одой Державина «На шведский мир» (1790 г.), в которой поэт доводит до максимального предела противопоставление двух путей приобретения славы:

Средь светлого вельможей строя
В тебе царя, вождя, героя
И **мироносицу** мы зрим;
<...>
По нужде ты лила ток крови:
Ты в мире будешь бог любви
И счастье наше обновишь.
<...>
О вы, носящи душу львину,
Герои, любящие бой!
Возрите на сию картину,
Сравните вы ее с войной:
Там всюду ужас, стон и крики;
Здесь всюду радость, плеск и лики;
Там смерть, болезнь; здесь жизнь, любовь.
Я вижу убиенных тени
И слышу вам их грозны пени:
Вы пролили невинну кровь!
Но, венценосна добродетель!
О ангел наших тихих дней,
Екатерина! мы свидетель:
Не ты виной была смертей;
Ты бранной не искала славы,
Ты наши просвещала нравы
И украшалась тишиной.
Слеза, щедротой извлеченна,
Тебе приятней, чем вселенна,
Приобретенная войной! [Державин. На шведский мир].

Рассмотренные выше примеры, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что практически на всем протяжении длительного царствования Екатерины в центре внимания придворных поэтов находились две

политические задачи. Первой из них была необходимость легитимировать восшествие на престол не имевшей на него никакого «права крови» императрицы. Второй — утвердить положение Екатерины на общеевропейской арене символического соперничества. Обе задачи с успехом решались через топику «славы», «мира» и «примера», таким образом, следуя дискурсу, заданному в имперском законодательстве. В результате образовывалась мощная машина легитимации и зарабатывания престижа, когда каждое последующее начинание императрицы (включая и ее реформы) пропускалось через одну и ту же дискурсивную модель, взаимно усиливая друг друга.

«Слава» как инструмент политической критики

Любое символическое оружие обоюдоостро — не стал исключением и концепт «славы». Хотя эта тема более других нуждается в дополнительном исследовании, я все же кратко остановлюсь на ней, поскольку она позволяет лучше раскрыть влияние важного для нас здесь фактора — гендера.

Княгиня Е. Р. Дашкова, активная участница переворота 1762 года и первый президент Академии Российской, в своих мемуарах так передает содержание своей беседы с австрийским канцлером Венцелем Кауницем о Петре I. Канцлер придерживался высокого мнения об императоре, который ввел Россию в круг европейских держав. Дашкова же полагала: «...полное отсутствие воспитания позволило его (Петра I. — *М. Д.*) **пылким страстям** возобладать над разумом... **из мелкого тщеславия заслужить славу создателя**, он торопил постройку Петербурга самыми жестокими средствами... [Напротив] при Екатерине II город увеличился в четыре раза, здания стали намного **роскошнее**, и все это без насилия...» [Дашкова 2006: 240–241].

Дашкова была «глубоко возмущена» тем, как при дворе австрийского императора отзывались о ее царице: «...[придворные] единодушно поносили царствование Екатерины II и внушали молодому монарху, что женщина никогда не сумеет управлять империей!» [Там же: 241]. Два разных пути зарабатывания славы — прибегающий к насилию и не прибегающий, — соотносящиеся с двумя фигурами российских правителей, таким образом, становятся и гендерно окрашенными.

Обозначенные Дашковой темы славы, гендера и «роскошных зданий» отчетливо перекликаются со знаменитым сочинением уже знако-

мого нам князя Щербатова «О повреждении нравов в России». По мнению Щербатова, буквально все произошедшее с империей в царствование Екатерины было следствием ее страсти к славе и роскоши. В особенности это относилось ко внутренней политике. Этим она отличалась от Анны Иоанновны, которая «не имела жадности к славе и потому новых узаконений и учреждений мало вымышляла, но старалась старое учреждение в порядке содержать» [Щербатов 2010(а): 446]. Князь считает, что, не имея моральных ограничителей в виде «стыда», Екатерина начала подавать самый дурной пример своим подданным: «Сама императрица, яко **самолюбивая женщина**, не токмо **примерами** своими, но и самым ободрением пороков является, желает их силу умножить. Она славолюбива и **пышна**... Все царствование сей самодержицы означено деяниями, относящимися к ее славолюбию... Множество учиненных ею заведений, являющихся для пользы народной заведенных, в самом деле не суть, как токмо знаки ее славолюбия... Составили учреждения (имеется в виду губернская реформа. — *М. Д.*), которые **не стыдятся** законами называть... Таковое необузданное славолубие также побуждает стремиться к созиданию неисчетного числа и повсюду **великих зданий**... доходы государственные едва ли достают на такие строения, которые и построившись в тягость оным своим содержанием будут; и [частные лица], **подражая** сей охоте, основанной на славолубии, чтоб **чрез многие веки пребывающие здания имя свое сохранить**, безумно кинулись в такие строения и украшения их» [Там же: 469, 474–475].

Все эти беды могли, по мнению Щербатова, закончиться, только «когда мы будем иметь государя, искренно привязанного к закону Божию, строгого наблюдателя правосудия... умеренного в пышности царского престола». Из упоминания, что такой государь должен показывать всем пример своим «согласием с супругою», становится ясно, что неминуемое разрушение России остановится только тогда, когда на ее престоле окажется мужчина [Там же: 476–477]. Таким образом, даже в текстах критического характера, мы видим, что современники расценивали страсть к славе как ключевой элемент человеческой мотивации.

Заключение

В настоящей работе я попытался взглянуть на проблематику появления административных инноваций в XVIII веке со стороны анализа поведения конкретного исторического актора в конкретных исторических

обстоятельствах. Как мы смогли убедиться, статусно-ориентированное поведение в эпоху Екатерины II не только было широко распространено, но и рассматривалось как едва ли не сама основа европейского социального устройства. Длинная цепь административных инноваций, произведенных русской императрицей, таким образом, становится не самоцелью, а служит лишь средством для наращивания ее престижа. Выбор же именно этой стратегии, в нашем изложении, равно обусловлен как структурными факторами (гендерной системой разделения труда, культурной самооценностью «бессмертия»), так и конкретными политическими обстоятельствами ее прихода к власти и дальнейшего царствования.

По нашему мнению, Екатерина вполне осознанно выбрала стратегию повышения своего престижа через административные инновации и довольно последовательно ее придерживалась. Такая линия поведения была альтернативой другой — повышению своего престижа через войну, широко распространенной, но не слишком привлекательной для русской императрицы. Если принять во внимание субъективные (но социально обусловленные) цели Екатерины, то результаты данной стратегии можно рассматривать как вполне успешные. По свидетельству французского дипломата де Линя: «Фридрих Великий, когда еще был с [Екатериной] в приятных отношениях, часто хвалил ее. “Многие **государыни**, — говорил он, — заслужили **славу**: Семирамида — победами, Елисавета английская — ловкою политикою, Мария-Терезия — удивительной твердостью в бедствиях, но одна только Екатерина заслуживает наименования **законодательницы**”» [Сегюр 1989: 320].

Институциональные структуры, построенные в ходе екатерининских реформ, значительно переживут свою создательницу и будут демонтированы (и то не полностью) только в царствование Александра II. Однако при ближайшем рассмотрении они оказываются не столько очередным звеном в цепи квазигегельянского процесса «становления современного государства», сколько артефактом оригинальной стратегии актора, преследовавшего цели, глубоко укорененные в локальной исторической ситуации.

На следующем шаге нам необходимо понять, что определило не столько выбор *средств*, сколько постановку *целей*. Как мы смогли убедиться, процесс екатерининского целеполагания во многом был обусловлен структурой уже сложившейся системы европейского междинастического соперничества. Следовательно, нам необходимо вернуться в тот момент времени, когда Романовы оказались к ней подключены, — в эпоху Петра Великого.

Библиография

Исторические источники

Дашкова Е. Р. Из «Записок» // Петр I в русской литературе XVIII века. СПб.: Наука, 2006. С. 239–242.

Державин Г. Р. На отсутствие Ея Величества в Белоруссию. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/На_отсутствие_ея_величества_в_Белоруссию_\(Державин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/На_отсутствие_ея_величества_в_Белоруссию_(Державин)) (дата обращения: 24.11.2021).

Державин Г. Р. На шведский мир. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/На_шведский_мир_\(Державин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/На_шведский_мир_(Державин)) (дата обращения: 24.11.2021).

Державин Г. Р. Ода Екатерине II. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Ода_Екатерине_II_\(Державин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Ода_Екатерине_II_(Державин)) (дата обращения: 24.11.2021).

Державин Г. Р. Ода на день рождения Ея Величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 года. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Ода_на_день_рождения_ея_величества_\(Державин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Ода_на_день_рождения_ея_величества_(Державин)) (дата обращения: 24.11.2021).

Державин Г. Р. Фелица. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Фелица_\(Державин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Фелица_(Державин)) (дата обращения: 24.11.2021).

Законодательство Екатерины II. Т. 1. М.: Юридическая литература, 2000.

Законодательство Екатерины II. Т. 2. М.: Юридическая литература, 2001.

Заметки Екатерины II на книгу аббата Карло Денина «Опыт о жизни и царствовании Фридриха II, короля Прусского» // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 83–95.

Записка Екатерины II о первых пяти годах ее царствования // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 71–77.

Кальер Ф. Каким образом договариваться с государями. Репринтное издание. М.: МИА, 2001.

Любочестие // Словарь Академии Российской. Часть VI и последняя. От Т. до конца. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1794. С. 731.

Майков В. И. Оды. URL: http://az.lib.ru/m/majkow_w_i/text_0090.shtml (дата обращения: 24.11.2021).

Наказ Комиссии о сочинении проекта нового Уложения // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 115–189.

О состоянии России при Екатерине Великой. Вопросы Дидерота и ответы Екатерины (1773) // Русский Архив. Вып. 9–12. М.: Университетская типография, 1880. С. 1–29.

Особая тетрадь: собственноручные заметки Великой Княгини Екатерины Алексеевны. 1758–1761 гг. // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 39–44.

Петров В. П. Стихотворения. URL: http://az.lib.ru/p/petrow_w_p/text_0040.shtml (дата обращения: 24.11.2021).

Проект ответа Екатерины II депутатам Комиссии о сочинении проекта нового Уложения в ответ на их предложение даровать ей титул «Великой Екатерины, Премудрой и Матери Отечества» // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 267.

Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 313–456.

Слава // Словарь Академии Российской. Часть V. От Р. до Т. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1794. С. 513–514.

Фридрих Великий. Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления. М.; СПб.: РИПОЛ классик; Пальмира, 2018.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // Щербатов М. М. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010(а). С. 415–477.

Щербатов М. М. Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого // Щербатов М. М. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010(б). С. 117–131.

Литература

Бабкова Г. О. Депутаты от дворянства уездов в Уложенной комиссии 1767–1774 годов // Культура и быт дворянства в провинциальной России. Т. 4. «Ревнущая ко общей всево отечества ползе и спокойствию»: Провинциальное дворянство России по материалам Уложенной комиссии 1767–1774 годов. М.: РОССПЭН, 2021 (в печати).

Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; Университетское издательство, 2016.

Бурдые П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 255–288.

Гриффитс Д. Жить вечно: Екатерина II, Вольтер и поиски бессмертия // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 38–59.

Демьяненко М. А. Испанская и Российская империи в XV–XVIII веках: пролегомены к сравнительному анализу. Препринт М-82/21, Центр исследований модернизации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-

Петербурге. 2021. https://eusp.org/sites/default/files/inline-files/Препринт_2.pdf (дата обращения: 24.11.2021).

Дмитриева З. В., Козлов С. А. Налоги и войны в России XVI–XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020.

Ивинский А. Д. Литературная политика Екатерины II: журнал «Собеседник любителей русского слова». М.: Книжный дом «Либроком», 2012.

Каменский А. Б. Реформы Екатерины Великой // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. Т. 2: XVIII — первая половина XIX в. М.: РОССПЭН, 2016. С. 165–283.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. СПб.: Наука, 2019.

Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Марасинова Е. Н. Понятие «честь» в сознании русского дворянина (последняя треть XVIII в.) // Россия в средние века и новое время. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л. В. Милова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 272–292.

Марасинова Е. Н. Проблема наследования престола в XVIII веке: «Declaration of Rights» и «Правда воли монаршей» в бумагах Екатерины II // Canadian–American Slavic Studies Vol. 53, Iss. (4), 2019. P. 435–444.

Маслов Б. П. Рождение и смерть Добродетели в России: о механизмах пропаганды понятий в дискурсе Просвещения // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 343–381.

Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. 2: От окончания Смуты до Февральской революции. М.: Территория будущего, 2010.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление в России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007.

Плате А. Проведение судебной реформы Екатерины II на Среднем Урале: деятельность верхних и нижних расправ в 1780–1790-е гг. Дисс. ... к. и. н. Екатеринбург, 2018.

Федюкин И. И. Проектеры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Хиришман А. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенатская типография, 1906.

Шашкова О. А., Роголина Н. Л., Маслов Д. В. «Великий перелом». Конец 1920-х — 1930-е гг. // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. Т. 4: 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2016. С. 165–367.

Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Dixon T. From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category. NY: Cambridge University Press, 2003.

Mousnier R. Social Hierarchies: 1450 to the Present. NY: Schocken Books, 1973.

Демьяненко Д. А.

**«В погоне за мирной славой»: статусно-ориентированное
поведение и реформы Екатерины II**

Препринт М-88/21

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

books@eu.spb.ru

Подписано в печать 12.12.2021.

Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

